

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Оформление серии *Светланы Прохоровой*
Иллюстрация на обложке *Виктории Тимофеевой*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Дверь на двушку / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с. — (Школа ныряльщиков (ШНыр, новый суперпроект Д. Емца).

ISBN 978-5-04-091791-4
























































Гаю нужна закладка вечной жизни, которая хранится в тайнике на двушке. Он точно знает, как и с помощью кого ее можно достать. Только вот этот кто-то — младенец, ребенок Ула и Яры. Каким-то непостижимым образом тот способен перемещаться между мирами, словно из комнаты в комнату. А значит, может стать проводником. Осталось лишь подвести его к тому самому месту, откуда нырнуть на двушку и достать закладку бессмертия проще всего...

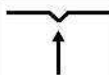




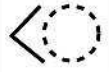














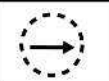









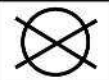




УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091791-4

© Емец Д.А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
					Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направление на лагерь
					Привал
					Тут переправа

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищен- ная от гиел
					Осторожно! Магическое минирова- ние
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязы- вать!
					Прощальный знак пшныра, попавшего в беду

— Честно говоря, я не понимаю, что с вами со всеми происходит!

«А я понимаю, — подумала Тиффани. — Ты ведешь себя как пастушья собака, которая все время досаждаёт овцам. Ты не даёшь им времени подчиниться и не позволяешь им понять, когда они сделали что-то правильно. Ты просто продолжаешь лаять на них».

Терри Пратчетт

Боюсь, что лишь некоторые из тех, кто заинтересовался словарем, прочли первые его выпуски, поддавшись влиянию новизны, но читать все остальные и не собираются, а откладывают его в сторону до какой-нибудь okazji. Грустно, что приходится писать, заведомо зная, что современный читатель это не прочтет, что самое лучшее из всего, что мне удалось в отдельных статьях, будет использовано, быть может, через пятьдесят или сто лет, по всей вероятности, способным человеком, который возьмет на себя труд заново все переделать.

Якоб Гримм

Люди очень быстро дрессируются, когда видят между событиями устойчивые связи. Например, я случайно подпрыгнул бы на левой ноге — и на столе передо мной появилась бы бутылка с газировкой. Я бы сразу сообразил, что прыжок даёт воду. Хлопнул бы в ладоши — и появился бы цветок в вазе. Ага, хлопок = цветок. Опять ясно. И я тоже связал бы эти два события.

Не является ли и вся наша жизнь такой же закономерностью? Мы пытаемся поймать алгоритм, принцип, закон, но, возможно, ищем не там или плохо наблюдаем. Например, я подпрыгну в понедельник, а вода появится в четверг. Слишком много факторов для анализа. Слишком мало поступков от понедельника до четверга. Я никогда не свяжу эти события.

Но в каких-то главных моментах, когда я делал что-то очень плохое или случайно что-то очень хорошее, я ощущал, что поощряют меня сразу. И наказывают тоже сразу. Может, для того, чтобы я что-то понял и закрепил. Но я все равно чаще всего не понимал и не закреплял. Или отказывался верить, что связь есть. Или усложнял. Или мне было невыгодно верить. И в результате все равно делал то, что хочу я.

Из дневника невернувшегося шныра

Перед нами работа, требующая скорейшего выполнения. Мы знаем, что оттягивать ее губительно. Мы слышим трубный зов: то кличет нас к немедленной энергической деятельности важнейшее, переломное событие всей нашей жизни. Мы пылаем, снедаемые нетерпением, мы жаждем приняться за труд — предвкушение его славного итога воспламеняет нам душу. Работа должна быть, будет сделана сегодня, и все же мы откладываем ее на завтра; а почему? Ответа нет, кроме того, что мы испытываем желание поступить наперекор, сами не понимая почему. Наступает завтра, а с ним еще более нетерпеливое желание исполнить свой долг, но по мере роста нетерпения приходит также безымянное, прямо-таки ужасающее — потому что непостижимое — желание медлить. Это желание усиливается, пока пролетают мгновения. Близок последний час. Мы содрогаемся от буйства борьбы внутри нас, борьбы определенного с неопределенным, материи с тенью. Но если единоборство зашло так да-

леко, то побеждает тень, и мы напрасно боремся. Бьют часы, и это похоронный звон по нашему благополучию. В то же время это петушиный крик для призрака, овладевшего нами. Он исчезает — его нет — мы свободны. Теперь мы готовы трудиться. Увы, слишком поздно!

Эдгар По

Глава первая

ЕЖЕДНЕВНЫЙ БЫТ ТВОРЧЕСКИХ ТАРАКАНОВ

Человеку свойственно прокалываться на мелочах. Например, я считаю свою знакомую Икс любящей спорить из-за ерунды, упрямой и неумной. Но если нужно будет убить полдня в пробках, чтобы отправить посылку со старыми сапогами для какой-нибудь неизвестной мне особы, то я сразу окажусь дико занят. Икс же сделает это как само собой разумеющееся. Поэтому иногда мне кажется, что на Страшном суде тоже будут сортировать людей по каким-нибудь страшно простым принципам, просто по поступкам: отвез посылку или не отвез; пустил переночевать, или у тебя оказались слишком маленький метраж и слишком храпящая теща. Ну и так далее.

Из дневника невернувшегося шныра

Рина возвращалась из нырка уставшая и вымотанная. В седельной сумке у нее лежала синяя закладка — крошечная раковина, вплавленная в камень и вспыхивающая, когда Рина к ней случайно прикасалась. Это была закладка ободрения, очень нужная одной не верящей в свои силы девушке. Рина потратила на ее поиски все утро и едва отыскала на прииске у Первой гряды.

Рина ныряла сейчас часто. Порой даже дважды в день, если первую закладку находила слишком легко и не успевала выбиться из сил. Ныряла и за себя, и за Сашку, и за Кавалерию, и за Яру, и за Меркурия — и за всех тех шныров, которые нырять не могли. Это было тяжело. Ныли руки, стертые о ручки саперки, тянуло плечи, болела спина...



Дмитрий Емец

Однако существовало и иное, о чем Рина никому не говорила. После тяжелейших нырков, после поисков закладки, после прохождения *болота*, после головной боли и плохо проведенной ночи она испытывала вдруг радость — неведомую, растворяющую, не этому миру принадлежащую. Радость была так велика, что Рина начинала плакать счастливыми, тихими, обильными слезами. Слезы эти — не слезы горя, а какие-то иные, особенные — приходили внезапно, без особого повода, и Рина чувствовала, что они были наградой. Такую награду порой получает каждый шныр: как уверение в том, что нырки — это счастье, это дорога, а не одни непрерывные страдания, тяготы и несчастья.

Но все же Рина оставалась Риной. В ней прекрасно уживались и нырки, и слезы, и... целая куча ее прежних творческих тараканов. И почти каждый день добавлялись новые. Очередным тараканом Риной стало то, что все свои вещи она теперь называла по именам. Она могла сказать: «Пока Андрюша кушает, я посижу на Арчибальде и почитаю Арнольда. Никто не видел Гришу и Федю? Ой, верни, пожалуйста, Гуниллу!»

Собеседник изумленно распахивал рот, ничего не понимая.

Рина терпеливо начинала объяснять.

«Андрюша кушает» означало «я заряжаю телефон», «Арчибальд» был единственным на этаже нормальным креслом, «Арнольд» — телефон. «Гриша» и «Федя» — тапки. «Гриша» — правая тапка, а «Федя» — левая. «Арон» — книга, которую она в настоящее время читала. «Гунилла» — электрический чайник. У Гуниллы было больше всего имен. Каждый шныр с подачи Риной называл ее по-своему. Витяра, например, называл чайник «Ой ты мать-то моя, дуся Альфонсина Сидоровна!».



дверь на двушку

Вернувшись из нырка, Рина позаботилась о пеге, отдала закладку и, приходя в себя, выполнила все успокаивающие ритуалы с Андрюшами, Арчибальдами, Арнольдом. Спрятала Гришу и Федю, чтобы их никто не утащил, вернула на место Гуниллу и вышла на улицу.

День был наполнен легкостью и радостью. Совершенно сказочный день. В Подмосковье таких один-два за осень. На листьях дрожали капли воды. Рина брала листья на ладонь и, не отрывая их от веток, вытирала ими лицо. Она поймала себя на мысли, что, представляя осень просто перед монитором, допустим для книжки, в отрыве от самой осени, она не смогла бы представить и пятой части того, что существовало на самом деле. Красные, зеленые листья, желтые с прожилками, без прожилок, полосатые, алые с черным и бежевым, светло-розовые, с окантовкой, без окантовки. В прокусах червячков, с мелкими точками, с крупными. Попадались белые, серебристые, скелетированные серединки, семена, куски коры.

Рина отправилась к Зеленому лабиринту. На полдороге ей встретился Горшня. Он торжественно шагал через заросли, держа под мышкой ослика Фантома. Ослик болтался у Горшени в руках, на всякий случай деля крыльями вялые движения. Не то чтобы летел, а так, отмечался. Точно так же ведет себя собака, когда держишь ее над водой: машинально шевелит лапами, словно плывет. Рина хорошо знала, что даже среднего размера осел весит килограммов двести. Горшня же нес его как хозяйка, переносящая через лужу небольшого мопса: без усилия, даже со снисходительным озорством.

Рядом с Горшней шел Витяра и что-то оживленно ему доказывал. Горшня останавливался и качал голо-



Дмитрий Емец

вой, не соглашаясь с ним. Витяра сердился, дергал себя за уши, размахивал руками и то и дело сердито восклицал: «От ты дуся! Да как же так! Вотанная же она тутонная!»

Увидев Рину, Витяра замолчал. Горшеня поставил Фантома на землю и несильно хлопнул его ладонью. Ослик, ничему не удивляясь, затрусил к пегасне. Вслед за этим оба — Горшеня и Витяра — развернулись и скрылись в зарослях, продолжая свой спор. Витяра опять подпрыгивал и размахивал руками. Горшеня же все так же качал головой.

— Могли бы хоть «здрасьте» сказать! — проворчала Рина. Но проворчала без обиды. Шныры обычно не заморачиваются с вежливостью, если чувствуют хорошее к себе отношение. Порой получается смешно. Если ты с человеком в хороших отношениях, ты почти не здороваешься или здороваешься нерегулярно. Если же в человеке не уверен и воспринимаешь его как источник возможных проблем, то здороваешься с ним порой даже дважды в день.

«Грустно как-то», — подумала Рина.

Возле лабиринта на полянке разгуливала Лара, ловила лицом осеннее солнце и разговаривала по телефону, выполняя ритуал «утреннего звоньканья». Рядом Фреда сажала косточку, которую нашла на *двушке* вплавленной в валун Первой гряды. Косточка походила на персиковую, и Фреде было интересно, прорастет она или нет.

Сажая косточку, Фреда невольно слушала и болтовню Лары. Говорила Лара всем поклонникам примерно одно и то же, часто повторяя: «Ну не зна-а-а-аю. Наверное, я не сма-а-а-агу!» К тому времени как Рина подошла, Лара закончила разговор и задумчиво (она нередко думала вслух) произнесла:



дверь на двушку

— У Андрея машина большая. А у Эдуарда маленькая!

Эдуард был банковский работник — верный поклонник Лары, который делал ей предложение руки и сердца строго раз в месяц и всякий раз сопровождал его таким букетом роз, что ослик Фантом поедал его потом целую неделю, травился удобрениями с голландских роз, характер у Фантома портился, и весь ШНыр потом писал жестокие романсы.

— У Эдуарда — восстановленный раритетный «Ламборджини»! — не выдержав, влезла Фреда. Ей хотелось задушить эту красивую курицу.

Лара посмотрела на нее бараньими глазами:

— Вот и я говорю: старье какое-то! Сидишь в нем как курица на насесте. То ли дело у Андрея! Большая машина! Смотришь сверху — а все остальные машинки рядом такие малюсенькие!

Андрей был другой поклонник Лары.

— У Андрея грузовик! Он мебель возит, твой Андрей! — мрачно сказала Фреда.

— Во! Я и говорю: прям грузовик! Даже мебель помещается!

Фреда внимательно посмотрела на Лару и убедилась, что та всерьез не понимает, зачем нужна маленькая старая машина, когда где-то рядом ездит грузовик, в котором поместится концертный рояль. Что тут скажешь? Может, Лара тайная дочь Кузепыча? Тот бы тоже не понял.

У самой Фреды с любовью все было сложно. Она лет с двенадцати считала себя некрасивой и была убеждена, что эта часть жизни для нее навеки закрыта. На молодых людей она обращала внимания не больше, чем собака — на живопись Гогена. Молодые люди служили для Фреды источником раздражения, потому что были

